

Светлана Аркадьевна Филёва:
**«Будем приезжать сюда из далёкой страны
и с другим поколением»**

Липатников, Н. Светлана Аркадьевна Филёва: «Будем приезжать сюда из далёкой страны и с другим поколением» / Николай Липатников // Знамя. – Подосиновец, Кировская область. – 2015. – 31 января (№ 8). – С.4.

Как известно, 2 февраля будет отмечаться 100-летний юбилей писателя Аркадия Александровича Филёва, чье литературное творчество посвящено красотам нашего края, самобытности подосиновской культуры, местным жителям и традициям. Сам писатель давно стал у нас культовой фигурой, и в библиотеках района легко отыскать его книги. А вот о жизни ближайших родственников Аркадия Александровича известно сравнительно немного. Прошлым летом у нас побывали его дочь Светлана и правнучка Виктория. Наш корреспондент Николай Липатников встретился с ними и взял интервью, чтобы читатели могли узнать, как сложились судьбы его детей.

– Светлана Аркадьевна, каковы ваши самые ранние впечатления об отце, с каких лет вы его помните?

– И деда и отца помню где-то с двух с половиной лет, а до этого возраста я жила у бабушки в Устюге. Потом приехала к родителям в Подосиновец. Наверное, тогда я уже подросла, поэтому у меня с мамой не возникло какой-то близости, зато привязанность к отцу была очень сильной и взаимной. Своего папу я просто обожала. Брат Борис был старше меня на полтора года. Я очень дорожу немногими фотографиями, оставшимися с тех лет.

Это были военные годы, но несмотря на трудные времена, Аркадий Александрович всегда стремился выразить свою любовь к детям. То ленточки приносил мне, то разные заколочки, сладости... Помню, как однажды с юга он привез виноград.

– Он когда-нибудь ругал вас? К примеру, за учебу?

– Нет, ни разу. Даже когда мы в 1951-м переехали в Свечу, а год спустя – в Киров, и у меня начались некоторые проблемы с учебой (в основном из-за того, что мое воспитание смутили городские нравы), папа не сделал мне ни одного резкого замечания. К другим он относился принципиальнее. Как-то отчитал своего ученика Володю Тендрякова (широко известный советский писатель – Ред.) за то, что он допустил 36 ошибок в сочинении. А вообще они были очень дружны. Владимир почитал моего отца, считал его своим духовным наставником.

– А вам запомнилось, как отец работал над своими произведениями?

– Трудился он не покладая рук, писательской деятельностью обычно занимался вечерами, когда приходил домой со службы. Тогда мы, дети, старались не шуметь, перемещались по дому на цыпочках: папина работа – это было для всех святое. Он писал обычно в своем рабочем кабинете, в том известном в Подосиновце доме над рекой, где мы когда-то жили всей семьей.

– А он кому-то читал только что написанное?

– Я точно не могу сказать. Думаю, своей жене Тамаре Николаевне он читал какие-то отрывки. Она ведь литературу преподавала, потом работала в библиотеке. В Свече, по-моему, он написал первые главы «Елены Русановой».

– Какие были взаимоотношения у ваших родителей?

– В нашей семье главной всегда была мама. Поскольку на ней лежали все хлопоты по ведению хозяйства и воспитанию детей, её лидерство было безоговорочным. С папой они по этому поводу никогда не ссорились. Я не помню случая, чтобы он когда-то повысил на кого-нибудь голос, а вот от мамы нам, детям, бывало, доставалось за разные провинности. Даже потом, когда у меня самой появились дети, у нас случались размолвки по поводу методов воспитания. В этом случае я всегда встречала поддержку отца, дававшего мне силы в трудную минуту. Он усаживал меня рядом, успокаивал, говорил, чтобы я не обижалась, принимала её характер таким, как он есть, наполнял меня каким-то внутренним светом.

– Биография Аркадия Александровича хорошо известна. А вот о его сыне, вашем брате Борисе Аркадьевиче, писали не так уж и много. Как сложилась его судьба?

– Сначала он закончил литфак пединститута, затем решил стать журналистом, уехал в Москву. Работал в различных издательствах, но писал мало, потому что приходилось быть руководителем. Судьба его сложилась трагично, поскольку он не вписался в советскую систему в идеологическом плане. Заступался за Владимира Высоцкого, Александра Солженицына и других диссидентов той эпохи. Отец всегда предостерегал его: «Боря, это добром не кончится». Так оно и случилось.

– А что произошло?

– Борис Аркадьевич занимал очень ответственную должность в литературной среде, был одним из трех главных редакторов всеильного ведомства – Госкомиздата (Государственный комитет по делам издательств, полиграфии и книжной торговли СССР). Фактически решал, какие книги следует печатать, а какие не стоит, какой писатель «вредный», а какой «полезный» для строя. В начале восьмидесятых из-за своих взглядов он перестал устраивать систему, и его стали постепенно «выдавливать» с этой должности. В итоге, я считаю, была устроена грубая провокация, основанная на его слабом здоровье. Мой брат страдал сахарным диабетом и принимал импортное лекарство, и однажды его намеренно лишили возможности своевременного приема препарата, забрали в милицию, там сильно избили. В итоге здоровье сильно пошатнулось, и в 1983 году он вынужден был уйти с поста.

Дело этим не закончилось. Бориса поместили в неврологический диспансер, применяли к нему «карательную психиатрию». Мне тогда пришлось приложить немало усилий по спасению брата. В комиссию по моей просьбе вошел уважаемый военный врач, Владимир Михайлович Масло, и он не дал поставить диагноз о невменяемости. Если бы не это, он так бы и закончил свои дни в психиатрической клинике. Позже за него заступался Союз писателей, другие организации, но дело было закрыто, на Борисе Аркадьевиче был поставлен крест. Удар, конечно, был страшной силы, мой брат умер в возрасте 52 лет в 1990 году.

Вот так и получилось в нашей семье, и я уже об этом говорила прежде, что отец прославлял советский строй, а его сын был этой системой раздавлен.

– А как складывалась ваша жизнь? Родители не пытались направить по литературной или просветительской стезе?

– Мама хотела. Бывало, говаривала, что вот, мол, давай будешь изучать библиотечное дело, а позже пыталась убедить меня стать педагогом. Но это было совершенно не мое, я объясняла, что совсем не могу себя представить ежедневно стоящей перед всем классом. Папа ни на чем не настаивал, он дал мне свободу выбора.

Сначала я в 1959 году окончила зубоветеринарное училище, затем уехала работать стоматологом в Оричевский район в село Коршик. Через год поступила в Московский

медицинский стоматологический институт, а закончила получать высшее образование уже в городе Одесса. Мы с мужем приехали жить туда в 1968 году. Он служил во флоте, я работала в детской поликлинике Киевского района. Наша квартира, кстати, находилась совсем неподалеку от печально известного Дома профсоюзов. В Одессе мы жили до 1977 года, затем перебрались в Балашиху. Я работала там стоматологом в военном училище, муж – на речном транспорте. А в 1994 году я вышла на пенсию.

Дальше моя судьба была тесно связана с жизнью моей дочери Ольги. После распада её первого брака она вышла замуж за итальянца. Сначала для меня все произошедшее было культурным шоком, но постепенно привыкла. В первое время бывала в Италии наездами, затем, когда в их браке появился первенец, срочно понадобилась бабушка. В итоге сначала мне, а потом и мужу выправили вид на жительство. Теперь мы уже двенадцать лет живем в провинциальном городке в семидесяти километрах от Рима.

– А нынешний муж вашей дочери – какой он?

– У него нет высшего образования, он работает в кровельном бизнесе. Это порядочный скромный человек. Благодаря ему у нас в Италии есть полноценная семья, которая сейчас и составляет смысл всей моей жизни.

– Я вижу, Вика больше похожа на своего папу, но русский язык, судя по всему, она хорошо знает, говорит почти без акцента. Это ведь, наверное, ваша заслуга? А творчеством своего прадеда итальянские потомки интересуются?

– Да, Вике очень нравится, когда я читаю ей про детство Аркадия Александровича, которое он описывает в своей повести «Купава». Я использую эту книгу как своего рода учебник русского языка, как источник не хрестоматийного, а живого слова. Она и сама могла бы его прочитать, но кто ей поможет правильно расставить все акценты, даст возможность усвоить правильное произношение? Ей очень нравится этот процесс, бывает, забегает в комнату с книжкой и зовет: «Бабушка, давай читать!».

Вика, кстати, уже второй раз побывала в Подосиновце. В этом году получили очень много впечатлений и от гостеприимства, с которым нас здесь принимали в тех местах, о которых я внучке столько читала, и от чистки масляток, после которых ладони стали черными.

Этот мой приезд в Подосиновец, может стать, последний. Но члены нашей семьи, конечно же, будут бывать здесь. Моей дочери Ольге сейчас немного не до этого, она вплотную занята воспитанием шестилетнего Дэвида. Кстати, в нем очень чувствуется наша порода. Он типичный русский мальчик: голубые глаза, светлые волосы, пухлые губы. Любит пельмени, соленые огурцы, помидоры, картошку. Перед отъездом все просил: «Бабушка, я тоже хочу в Россию!».

– У вас есть еще внуки или внучки?

– У Ольги от первого брака есть сын Александр (он сейчас живет и работает в Москве, получает второе университетское образование) и дочь Аня (учится в Милане). По моей просьбе Александр собирается съездить на родину прадедушки с мамой, другими родственниками, планирует это как автомобильное путешествие.

– Интересно, а не пытается ли кто-то из вашей семьи что-нибудь писать?

– По этой части мастерица у нас Вика. Даже в Подосиновце она за день написала рассказ. Сочинять она очень любит. Уже получилась целая тетрадь.

– Вика, а о чем этот рассказ?

– Он о девочке, что живет в деревне, и у неё умерла мама. Это и рассказ, и немного сказка, я стараюсь, чтобы все было красиво и закончилось хорошо.

– Спасибо за интервью.

